
**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЗООМИР СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

© 2016 г. **О. П. Ермакова**

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского,
Российская Федерация, г. Калуга, пер. Воскресенский, д. 4
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

FANTASTIC ANIMAL WORLD THROUGH WORD FORMATION

© 2016 **Olga P. Yermakova**

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Department at the Kaluga State
K.E. Tsiolkovsky University, Voskresensky lane, 4, Kaluga, Russian Federation
olga_ermakova.kaluga@mail.ru

В статье на материале фантастического зоомира в фантастических романах рассматривается вопрос о функциях номинативного словообразования и роли мотивации в словах, образованных по тем или иным словообразовательным моделям.

The article employs the images of the fantastis animal-world taken from the science-fiction novels to examine the nominative word-formation and the role of motivation in the words formed according to the corresponding models.

Ключевые слова: фантастический зоомир, функции словообразования, мотивация в производных словах, семантика.

Key words: fantastic animal world, derivation function, motivation in derivative words, semantics.

В фантастических романах XVIII, XIX и первой трети XX в., кроме изображения нереальных для того времени ситуаций (полета на воздушном шаре вокруг света, полета на Луну, на Марс в космических аппаратах, путешествия на подводной лодке или попадания в неведомый мир в результате кораблекрушения и т.п.), внимание писателей было направлено прежде всего на изображение человека. В этих мирах фауна оставалась в пределах известных типов, фантастичность обычно ограничивалась преувеличением размеров животных – чудовищных спрутов, акул, змей и т.п. В некоторых романах изображался “затерянный мир”, где чудом сохранились первобытные животные.

Фантасты XX века в связи с изображением инопланетных миров стали населять эти планеты не только разного рода гуманоидами (иногда просто людьми), но и создавать необычную для Земли зоосферу. При этом, как представляется, наибольшую словообразовательную изобрета-

тельность авторы проявляют именно в изображении зоосферы иных миров. Остановимся прежде всего на этих образованиях.

Материалом исследования послужили фантастические романы разных авторов, но больше всего “животные” окказиональные номинации будут рассматриваться нами на материале текстов А. и Б. Стругацких и С. Лема. Разумеется, животный мир часто изображается авторами не ради самой фауны, фантасты решают некоторые фило-софские проблемы, проблемы столкновения человека с неведомым, непознанным и т.д. В других случаях весь “зоопарк” служит целям иронии, пародии и другим. Но все же такие номинации независимо от функций в художественном тексте могут быть исследованы и сами по себе.

В русском языке нет словообразовательных средств для обозначения названий животных. Заметим также, что в русском языке словообразовательно не разграничивается живое и неживое,

ср. *дикарь*, *глухарь* и *сухарь* [1, с. 48]. В тех случаях, когда зоонимы производны, они делают словообразовательные средства (почти исключительно суффиксы) с предметными именами и именами лиц. Известно также, что в родовых названиях диких животных в русском языке словообразовательные средства практически не используются. Большинство этих имен являются производными с синхронной точки зрения [2, с.140]. В этой статье затрагиваются лишь некоторые аспекты названной проблемы:

- Какое место занимает словообразование в изображении фантастического зоомира.

- Каковы функции словообразования в этой сфере, отличаются ли они от функций словообразования “на Земле”.

- Как соотносятся в рассматриваемых образованиях мотивация и лексическое значение.

И тут было бы целесообразно обратиться к книге Е.А. Земской “Словообразование как деятельность” [3]. В этой работе автор выделяет пять функций словообразования: собственно номинативное; конструктивное; компрессивное; экспрессивное; стилистическое.

Нас в данном случае будет интересовать собственно номинативное словообразование. О нем Е.А. Земская пишет: “Производное создается для наименования какой-то реалии, часто новой, или для переименования старой” [3, с. 8]. На наш взгляд, однословные наименования, созданные словообразовательными средствами, это, как правило, **переименование**. До образования названий типа *луноход*, *антиспид* эти реалии обязательно как-то назывались и называются: “самоходный аппарат, передвигающийся по Луне”, “средства от СПИДа” и т.д.

А как это можно представить себе в мире фантастики? Возможно, там только первичные наименования новых реалий без всякого переименования? На первый взгляд, это так:

По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедняги, еще не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории “самсона неполнозубого” (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Попытка к бегству).

Ср. также рассказ тех же авторов о названии неизвестной планеты: – *Товарищи! – сказал вдруг Вадим. – Давайте назовем эту планету Саулой... Всё это не имело никакого значения, планеты нарекались по названию кораблей, городов и так далее.*

Эти имена аналогичны тем, что даются при рождении ребенка. Но легко заметить, что это слова

непроизводные. Таких в текстах фантастов встречается немало среди названий животных и лиц: *тахорги*, *таулапи*, *хикси*, *алари*, *курдли*, и к функциям словообразования они не имеют отношения.

О том, что дать имя инопланетным чудовищам (а они почти исключительно чудовища) не просто, свидетельствует то, что в некоторых случаях авторы обходятся без однословных номинаций и ограничиваются составными обозначениями, не включающими специализированных окказионализмов: *змееподобные чудовища*, *исполинский моллюск*, *летающая пиявка*, *медоносный монстр* (Стругацкие).

Нередко герои таких текстов пользуются только описанием внешних признаков чудовища, пока не имея возможности дать ему имя:

– *Это одно существо или два? – спросил физик. – Два в одном или одно в двух. – Но этот огромный не имеет ни ног, ни глаз, ни головы...*

...Косматое существо ползло к ним, не отрываясь от земли. За ним тянулся большой лопатообразный хвост. Они назвали его “dubelt” (С. Лем. Эдем).

И здесь до слова *dubelt* это чудовище обозначается как “косматое существо с лопатообразным хвостом”. Нет сомнения, что наименованиям *раккопак*, *рогонос*, *горбонос*, *шестиног*, *брюшан* и т.п. в речи именуемых предшествовало обозначение “существо с шестью ногами”, “похожее на рака и на паука” и т.д. Иначе говоря, номинативная функция словообразования в сфере экзотических наименований всё та же – переименование.

Некоторые замечания – о членимости экзотических образований. Среди названий фантастических животных есть довольно много слов, в которых мы как будто узнаём некоторые составляющие части: *вирусофоб*, *соплохвост*, *шипокрыл*, *клювокрыл*, *рогонос*, *атлантозавр*, *брюшан*, *голован*, *горбонос*, *шестиног*, *четверорук* и др. Поскольку это слова в текстах на русском языке, мы невольно воспринимаем и вычленяем в них части как знакомые и соотносим с теми значениями, которые свойственны этим частям в русском языке. Но ведь это фантастический мир, в нем и семантика слов, а следовательно, и частей слов, может быть перевернута, подобно тому, как перевернуты части *рогонос* и *носорог*. Если автор предлагает нам объяснение наименованию и называет признак реалии, легший в основу обозначения, членение становится очевидным. Такое объяснение дают А. и Б. Стругацкие названию *голованы*:

Остров числился необитаемым. Однако там на протяжении нескольких лет жила сдвоенная семья голованов. Я напоминаю: это раса разумных киноидов с планеты Саракши. Эти большие-головые говорящие собаки охотно сопровождали нас по всему Космосу (А. и Б. Стругацкие. Волны гасят ветер).

Без такого объяснения нельзя быть уверенными в том, что эта номинация соответствует “земному” слову *голован*, потому что даже связь с *головой* в подобных текстах и морфемное членение слов могут быть неожиданными, например, *гол-ован*, если имеются в виду некие неизвестные нам *голые ваны*.

О том, с какой особью мы имеем дело, как будто можно догадаться по составным частям слова *ракопаук*, поскольку это вроде бы в первую очередь паук, но это только на первый взгляд, потому что в таких текстах это существо может быть кем угодно. Тем более, что в романе Стругацких он вопит. Ср.: *Мальчишеский голос, невыносимо фальшивя изобразил вопль ракопаука, наступающего добычу* (Полдень. XXII век).

Остановимся теперь на соотношении мотивированности этих названий и их лексических значений. Известно, что сам по себе факт мотивированности еще не дает представления о предметных признаках реалий. Так, даже считая мотивацию в словах *голован*, *брюшан* и подобных такой же, как в соответствующих “земных” словах, мы вряд ли можем представить существа, носящие такие названия: это могут быть животные, моллюски, насекомые, даже растения, тем более, что в этой сфере нет аффиксальной специализации.

Аналогичная картина наблюдается и в земных названиях. Так, слово *зеленушка* отмечается в словарях с тремя значениями: 1. птица оливково-зеленой окраски, 2. мелкое насекомое, 3. рыба. А в разговорной речи так называют и разновидность грибов. И должен быть очень выразительный контекст, в котором сочетание *поймал зеленушку* обретет предметные признаки. Поэтому только Алиса в тексте Кэрролла могла догадаться, что *зеленавки* (*зеленавки хрющали порой*) – это зеленые свиньи. Явных оснований для этого нет. И отчетливо мотивированное название *ракопаук* само по себе не дает представления об этом чудовище. Только из объяснений авторов мы узнаем, что оно огромное, хищное, злобное, нападает на человека, не ползет, а быстро бежит и к тому же вопит.

О том, что без знания реалий мы не можем определить, какое это существо и не в фантастическом мире, писала З.А. Харитончик. Она

отмечает, что названия *долгоног*, *губач*, *горбач* и многие другие подходят к разным классам животных, и что отсутствие в мотивировочной формуле классификатора делает информацию в ней явно недостаточной [4, с. 151].

Если в земном мире у слов с отчетливой мотивацией без знания реалии нельзя определить лексическое значение слова, то в мире фантастическом мотивация может ничего не показывать. И если в земном мире некоторые виды мотиваций, например *шилохвост* или *шестиног*, явно относят названия к категории не-лиц, то в мире фантастики это не так. Там разного рода сапиенсы могут иметь самые невероятные признаки, и, как выясняется, в одном романе Стругацких существо, получившее условное название *четверорук*, оказывается человеком.

Иначе говоря, лексическое значение у производных названий животных чаще всего не определяется мотивированностью слова. Без знания реалии мотивация скорее загадывает загадку, дает повод для размышлений, как это происходит с Алисой у Кэрролла.

Большинство названий животных, придуманных фантастами, обнаруживают свою зависимость от земных реалий. Необычность инопланетных существ часто выражается в причудливой гибридности, в соединении признаков известных на земле животных в одно, поэтому используются сложные слова: *полурыбы-полуптицы*, *полузверь-полуптица*, *полумедведи-полукоровы*, *полусобаки-полулюди*, *ракопауки*, *крабораки* и т.п. Это в первую очередь характерно для Стругацких.

У С. Лема название фантастических существ носит почти исключительно игровой характер. Имена животных имеют либо откровенно “человеческую” мотивацию или замаскированную, которая превращает названия представителей зоомира в обозначения людей.

Ср.: *мерзавли* (ср. польск. *mierzyc* – вызывать омерзение) – слово явно рассчитано на соотношение с *мерзавцами*, хотя на поверхности не исключается связь и с *мерзнуть* и с *головлями* (рыбы). Есть еще *мстивец*, *паскурдль*, *близвы* и др. *Близвы* ассоциируются в русском языке с *язвой* и с известным матерным словом. Производное от *курдль* – *паскурдль* явно соотносится и с *курдлем* и с *паскудой* (слово *паскудный* есть и в польском: *paskudny* – гадкий, мерзкий, пакостный).

Так как в работе анализируются тексты на русском языке, приведу несколько примеров из польского оригинала С. Лема с русским переводом, чтобы показать, насколько перевод адекватен.

тен. Ср.: *Мстивец непроходимый* (в польском тексте *mściwec bezdrożnik*); *Убивица вызывающая* (*mordelia* – от *mord* – убийство – *wyzwawka*); *Жрун смаковяк* (иначе – *смакующий*) – (*śrać smakowniczek* от *śrać* – постоянно что-то жевать); *Всеяд чтонопалый* (*wszehjadek bylepas*). *Сто-рожиха давительница* (*stróżyczka pestidlawka*) (Спасем Космос. Пер. Ф. Величко).

Название совершенно фантастического существа *курдль* у Лема возможно от польского *kurdupel* – “коротышка” (характеристика, относящаяся прежде всего к человеку) посредством усечения и иронического отталкивания, поскольку животное это невероятно большого размера. Но установление мотивации отнюдь не проясняет значение слова *курдль* и не помогает представить это творение фантазии Лема. Ирония с возможной пародийной и гротескной установкой здесь несомненна. Достаточно того, что охотятся на него изнутри: проглоченный и извергнутый на основе слабительной пасты охотник оставляет в чреве животного бомбу, которая и уничтожает *курдль*.

Все игровые и часто гротескные образования в текстах С. Лема невозможно проанализировать в небольшой работе. Для этого требуется целая книга. Его окказиональные номинации – это не только имена животных (на поверхности они все-таки представители инопланетной фауны), но и откровенные имена реальных лиц и самых разных земных явлений.

В романах Лема часто используется известный прием игрового “извращения” известной структуры и значения слова (производного, членимого или даже непроизводного и нечленимого) путем приписывания слову мнимой производящей основы (основ) и придуманного значения. Вот лишь некоторые примеры из “Толкового земляно-землянского словарика люзанских и курдлянских выражений”. В нем наряду с окказионализмами немало переосмысленных слов.

Кукурдль – курдль – сиамский близнец.

Сексолицые (*Sexofaciales*) – зоологическое название высших энцианских животных (ввиду лицевой локализации внешних органов размножения).

О-ку-ку – отец и куратор курдлей.

Живоглот – лицо, проглоченное курдлем и извергнутое наружу живым.

Полиглот – лицо, многократно проглоченное курдлем.

Дракула – рыба-пила из Энци.

Загробот – робот, верящий в загробную жизнь.

Курдаш – танец в животе курдля (не путать с танцем живота).

Похожее явление представлено в шуточном “Этимологическом словаре” Б.Ю. Нормана “Язык: знакомый незнакомец”. Ср.: *Бодяга* – ко-рова (от бодаться), *гололедица* – женская баня (для голых леди) и т.п. [5, с. 207–221]. Словарь Б.Ю. Нормана выявляет неиспользованные (пока) возможности в сфере словообразования: например, *дантист* – ‘исследователь творчества Данте’ (ср. *пушкинист*). Да и *курятник* как ‘вагон для курящих’ – тоже возможное название помещения.

Шуточные слова Лема показывают возможности фантастического осмысления слова в фантастическом мире, а следовательно – полную непредсказуемость всего и даже того, что кажется известным, узаконенным, общепринятым, но, как может оказаться, ненадежным. И в этом тоже важная функция словообразования. Не только в изображении выдуманных реалий, но и в отрицании заложенных в земных словах значений, в ненадежности установившихся связей и представлений.

Таким образом, даже предварительное и поверхностное изучение роли словообразования в изображении фантастического мира хотя и может быть интересно само по себе, но главное – дает подтверждение нескольким тезисам:

– номинации средствами словообразования – это всегда переименование;

– мотивация даёт возможность получить представление о предмете и, следовательно, определить лексическое значение слова только при знании реалии, названной словом.

Все это как будто ясно и при изучении номинативного словообразовании в “земном” языке, но, изучая земные номинации, мы находимся под воздействием знания реалии и аналогичных образований, чего нет в мире фантастики.

И в собственно номинациях, и в иронических, гротескных, пародийных образованиях мы имеем дело с окказионализмами. Чем отличаются экзотические окказионализмы от окказионализмов в нефантастических художественных текстах? Прежде всего – самим объектом обозначения. Это придуманные слова для придуманных реалий, в частности, – реалий из зоосферы.

Придуманные слова у писателей-фантастов – это почти исключительно существительные. Это объяснимо: существительные – “самая номинативная” часть речи, а в фантастических рома-

нах даже игровые, шуточные образования – это прежде всего наименования. Их, как правило, не сопровождают окказиональные названия инопланетных действий или свойств. В отдельных случаях переводчики преобразуют в прилагательные авторские существительные С. Лема: ср.: *mstiwec nieprzechodimyy* из *msciwec bezdrozник*. Это вполне соответствует смыслу польского текста и представляет номинации как псевдономенклатурные по типу *земляника садовая, огурцы маринованные* и т.п., что в русском языке усиливает комизм.

Все действия необычных существ в романах фантастов называются или подробно описываются “земными” словами – *пополз, прыгнул, заглохтал, растаял, заволл, ощерился* и т.д. В противном случае весь текст превратился бы в загадку, подобно рассчитанной на отгадывание Алисой “Балладе о Джаббервокках” у Л. Кэрролла:

*Сварнело. Провко яцуки
Паробуртелись по вселянке;
Хворчастны были швабраки,
Зелиньи чхрыли в издомлянке.*

(Пер. В. и Л. Успенских) [6, с. 244].

Это, видимо, одна из особенностей окказионального образования в фантастических романах, отличающая его от индивидуального словообразования в поэзии, художественной прозе и других текстах. В художественных (нефантастических) текстах, где номинативная функция не является главной, наблюдаются окказионализмы, принадлежащие разным частям речи, а в поэзии, как показывают наблюдения [7, с. 76], это преимущественно признаковые слова (глаголы, прилагательные, наречия). Ср. *Корабли оякорили бухты; Вы оделись вечером кисейно... наблюдая как луннеет мрамор...* (И. Северянин. Бразильский крейсер). В отличие от поэтических окказионализмов, рассчитанных на выразительность слова, в понимании которых большую роль играет контекст, в фантастических текстах главную роль играют объяснения автора. Контекст при этом отходит на второй план. Вот только один пример обозначения, остающегося неизвестным для читателя, несмотря на довольно большой контекст.

Из-за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный рамфоринх, неестественно завывая, начал описывать вокруг корабля круг

почета (А. и Б. Стругацкие. Полдень XXII век). Что это? Живое существо или летающий аппарат?

Из предтекста мы узнаем, что это аппарат.

Представляется, что проблема, затронутая в этой статье, не лишена интереса и может привлечь внимание исследователей к различным её аспектам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. [Miloslavskiy, I.G. *Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza* [The Issues of Derivational Synthesis]. Moscow, 1980.]
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. [Vendina, T.I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz prizmu slovoobrazovaniya* [A Russian-Language Picture of the World Through the Prism of Word Formation]. Moscow, 1998.]
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992 [Zemskaya, E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost* [Word-Formation as an Activity]. Moscow, 1992.]
4. Харитончик З.А. Внутренняя форма и лексическое значение как способы репрезентации знания // Словообразование и лексикология. София, 2009 [Kharitonchik, Z.A. [The Inner Form and Lexical Meaning as Representations of Knowledge] *Slovoobrazovanie i leksikologiya* [Word-Formation and Lexicology]. Sofia, 2009.]
5. Норманн Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987 [Normann, B.Yu. *Yazyk: znakomyj neznakomec* [A Language: the Familiar Stranger]. Minsk, 1987.]
6. Панов М.В. О переводах на русский язык баллады “Джаббервокки” Л., Кэрролла // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975. [Panov, M.V. [On Russian Translations of “Jabberwocky” by L. Carroll] *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka, 1972. Slovoobrazovanie. Chlenimost slova* [The Development of the Modern Russian Language, 1972. Word-Formation. Dissecting Words]. Moscow, 1975.]
7. Виноградова В.Н. Поэтические окказионализмы как элемент системы и текста // Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst, Poznań, 2012 [Vinogradova, V.N. [Poetic Nonce Words as Part of the System and Text] *Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst, Poznań, 2012.*] 1966.